УДК 343.13

Ковалев А.В.

магистрант

Академия управления МВД России

(г. Москва, Россия)

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ИНВЕРСИЯ В СИСТЕМЕ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ: ПОДХОД К РЕШЕНИЮ НА ПРИМЕРЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация: *в статье рассматривается организационное обеспечение расследования преступлений экономической направленности в органах предварительного следствия системы МВД России. На основе анализа ведомственного регулирования и материалов региональной следственной практики обосновывается вывод о существовании «организационной инверсии» — несоответствия количественной системы оценки деятельности следственных подразделений фактической трудоёмкости дел рассматриваемой категории. Показано, что специфика таких дел носит организационный, а не процессуальный характер и нейтрализуется пятью элементами организационного обеспечения: специализацией, планированием нагрузки, информационно-аналитическим и методическим сопровождением, взаимодействием, ведомственным контролем. Предлагается модель единого ведомственного нормативного акта МВД России, институционализирующего сложившиеся организационные решения, а в перспективе — принятия федерального закона об органах предварительного следствия.*

Ключевые слова: *предварительное следствие, преступления экономической направленности, организация расследования, организационное обеспечение, организационная инверсия, ведомственный контроль.*

Уголовные дела о преступлениях экономической направленности традиционно относятся к наиболее трудоёмкой категории следственной практики: их расследование требует исследования значительных массивов бухгалтерской, налоговой и финансовой документации, назначения судебно-экономических экспертиз, установления разветвлённых хозяйственных связей участников преступной деятельности. При этом результативность расследования данной категории устойчиво оценивается как недостаточная: продления сроков следствия, приостановления производств, возвращения уголовных дел прокурором и прекращения производств по экономическим делам совершаются чаще, чем по делам общеуголовной направленности, а возмещение причинённого вреда остаётся несопоставимо ниже масштаба посягательств.

Парадокс состоит в том, что обе стороны этого разрыва — масштаб посягательств и дефицит результативности — имеют общую природу. Специфика экономических дел связана не столько с уголовно-правовой квалификацией, сколько с организацией следственной работы. Между тем организационное обеспечение расследования данной категории дел до настоящего времени не было предметом комплексного научного анализа — при том, что отдельные его элементы фактически существуют в практике следственных органов, будучи урегулированы разрозненными и преимущественно исключительно ведомственными закрытыми актами.

Категория «преступления экономической направленности» является аналитической и легального определения не имеет. На законодательном уровне существует термин «преступления в сфере экономики» — так именуется раздел VIII Особенной части УК РФ, охватывающий главы 21–23, данный уровень очерчивает сферу уголовно-правового регулирования.

П. Г. Сычёв различает три самостоятельных понятия, описывающих данную область с разных позиций: уголовно-правовое («преступления в сфере экономики»), процессуальное («преступления в сфере экономической и предпринимательской деятельности» — материально-правовая база дифференцированного производства, сложившегося в 2009–2020 гг., состоящая

из безусловной и обусловленной частей), и ведомственное («преступления экономической направленности» — категория статистического учёта, по объёму существенно шире процессуального понятия) [1]. Существенно, что данный автор прямо указывает на организационное измерение ведомственной категории: отдельные особенности организации досудебного производства, установленные нормативными актами МВД России, распространяют своё действие именно на неё.

А. А. Жарёнов дополняет эту картину с позиций уголовно-процессуальной политики: ведомственная категория — не статистическая условность, а результат целенаправленной политики в экономической сфере, отражающий её цели, задачи и средства и обладающий самостоятельным организационно-управленческим значением [5].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что различение трёх понятий носит не терминологический, а практический характер: законодательное устанавливает круг уголовно наказуемых деяний, процессуальное — особую форму производства по ним, ведомственное — объём организационно-управленческих задач следственных органов. Для целей организации расследования предлагается функциональное определение: преступления экономической направленности — предусмотренные уголовным законом деяния, совершаемые в процессе и в связи с осуществлением экономической деятельности либо посягающие на установленный порядок её осуществления, специфика доказывания по которым обусловлена документарным характером источников доказательств и необходимостью применения специальных экономических знаний.

Под организационным обеспечением расследования понимается система согласованных организационно-управленческих мер руководителя следственного органа и вышестоящих субъектов управления в системе МВД России, направленных на создание условий для законного, полного и своевременного расследования уголовных дел данной категории. Структурно оно включает пять элементов: специализацию следователей и подразделений

(включая кадровое обеспечение и служебную подготовку), планирование и распределение служебной нагрузки, информационно-аналитическое и методическое сопровождение, взаимодействие с оперативными подразделениями и контролирующими органами, ведомственный контроль.

Специфика расследования дел экономической направленности определяется шестью факторами, каждый из которых имеет организационное измерение.

1. Документарность доказывания. Основные доказательства извлекаются из бухгалтерской, налоговой, банковской и корпоративной документации, объём которой исчисляется десятками томов. Масштаб документооборота получил законодательное признание: в ч. 7 ст. 241 УПК РФ введено правило об оглашении по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности только вводной и резолютивной частей приговора — мера, продиктованная именно объёмами материалов.

2. Дефицит экспертного сопровождения. Судебно-бухгалтерская, финансово-экономическая, компьютерно-техническая экспертизы являются ключевыми, но отличаются длительностью производства и дефицитом экспертов на региональном уровне, задержки их производства — устойчивая причина продления сроков и приостановления следствия.

3. Многоэпизодность и организованные формы. Экономические преступления нередко совершаются группами с распределением ролей и использованием юридических лиц, контролируемых единым центром решений. П. Г. Сычёв отмечает сохраняющуюся проблему завышенной квалификации деяний как совершённых группой лиц лишь по факту совместной работы обвиняемых в одной организации, что дополнительно усложняет разграничение эпизодов и ролей [1].

4. Латентность выявления. Значительная часть преступлений выявляется не по сообщениям потерпевших, а в результате деятельности контролирующих органов и оперативно-розыскной деятельности, что смещает организационный

акцент на взаимодействие: документирование до возбуждения дела, согласование момента возбуждения, непрерывность доказывания.

5. Высокая цена процессуальных ошибок. Имущественный характер посягательств делает меры процессуального принуждения — прежде всего арест имущества — особенно значимыми для защиты потерпевших и особенно чувствительными для законопослушного бизнеса. Двусторонняя значимость ошибок превращает качество организации в фактор соблюдения баланса публичных и частных интересов, отвечающего государственной установке на защиту законопослушного предпринимательского сообщества.

6. Интенсивная правовая динамика. Уголовная политика в экономической сфере развивается встречно: декриминализация и механизмы освобождения от ответственности (ст. 76.1 УК РФ, ст. 28.1 УПК РФ) соседствуют с усилением ответственности за деяния, угрожающие экономической безопасности. Л. В. Головко описывает эту асимметрию как противостояние направлений crime control и doing business, отмечая, что законодатель недооценил второе [2]. Для следственной практики это означает необходимость постоянной методической актуализации: типовые методики по экономическим делам устаревают быстрее, чем по общеуголовным.

Из этих факторов следует ключевой вывод: специфика данной категории носит не процессуальную, а организационную природу и нейтрализуется не совершенствованием УПК РФ, а средствами организационного обеспечения. Показательно, что специализация как способ решения задачи признана общемировым стандартом: как показал А. А. Жарёнов, зарубежные государства создают специализированные органы расследования экономических преступлений, тогда как в России аналогичная задача решается ведомственным учреждением профильных подразделений [5].

Существующий порядок оценки деятельности следственных подразделений строится преимущественно на количественных показателях (число оконченных дел, доля возвращённых прокурором, доля приостановленных), в которых дела экономической направленности

учитываются по тем же нормативам, что и общеуголовные. Подразделение получает одинаковый статистический «зачёт» за дело о мелком хищении и за многоэпизодное дело, требующее месяцев экспертной работы и анализа десятков томов документации.

Этот дефект создаёт организационную инверсию — несоответствие количественной системы оценки фактической трудоёмкости дел, порождающее дестимулирование расследования сложных дел. Рациональное поведение подразделения в сложившихся условиях — минимизация доли экономических дел в нагрузке — прямо противоречит задачам расследования данной категории. Эмпирическим выражением инверсии выступают прекращения уголовных дел за истечением сроков давности и минимальное возмещение ущерба. Важно подчеркнуть: проблема носит управленческую, а не правовую природу и, соответственно, требует организационного, а не законодательного решения.

Качественный анализ материалов уголовных дел подтверждает действие инверсии и на уровне региональной отчётности: в изученном периоде прекращения уголовных дел объяснялись преимущественно истечением сроков давности, приостановления — неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых (при этом по делам о немаркированной продукции к ответственности привлекались исполнители-водители, работавшие по гражданско-правовым договорам, тогда как организаторы оборота оставались неустановленными), а доля возмещённого ущерба систематически опускалась ниже фиксируемого предела результативности [1].

Несмотря на это, дефицит централизованного регулирования восполняется региональным нормотворчеством. Распоряжение СУ УМВД России по Смоленской области от 06.04.2026 № 1787 «Об организации рассмотрения сообщений и расследования уголовных дел об отдельных видах преступлений экономической направленности» закрепило согласовательный механизм возбуждения уголовного дела (представление заключения об обоснованности в контрольно-методический отдел не позднее чем за трое суток до истечения срока проверки), порядок совместного обсуждения материалов

доследственных проверок с подразделениями экономической безопасности, систему отчётности (ежемесячные сведения о планируемых к направлению в суд делах, представление дел к приостановлению за десять суток с заключением), персонализированные направления контроля (незамедлительное информирование о хищениях бюджетных средств, о заключении под стражу предпринимателей). Модель демонстрирует практическую работоспособность: согласовательный механизм действует как фильтр качества поступающих материалов доследственных проверок экономической направленности.

Однако модель существует в форме срочного, персонально адресованного, не подлежащего официальному опубликованию акта: она держится на воле конкретного руководителя, централизовано в системе МВД не подкреплена. В этом состоит центральное противоречие: фактическая специализация (в следственных частях органов внутренних дел по субъектам РФ созданы профильные отделы по расследовании наиболее сложных дел), работающие согласовательные механизмы и взаимодействие не сведены в единый нормативный акт, а действующее регулирование (приказы МВД России № 1 от 09.01.2018 [7], № 55 от 26.10.2011 в редакции приказа от 20.02.2024 № 14 [6] и связанные акты) охватывает лишь доследственную стадию и контроль возбуждения, тогда как собственно расследование — специализация, следственные группы, методическое и информационное сопровождение — системно не урегулировано.

Все названные дефекты регулирования имеют общую концептуальную причину: следственные органы действуют не на основании федерального закона, а в силу Указа Президента РФ от 23.11.1998 № 1422 — акта, который уже более четверти века действует «впредь до принятия соответствующих федеральных законов» [8].

Предлагается принятие единого ведомственного нормативного акта МВД России об организации расследования преступлений экономической направленности, включающего пять разделов, соответствующих элементам организационного обеспечения.

1. Специализация. Нормативное закрепление статуса специализированных подразделений и следственной специализации на районном уровне (закрепление дел за следователями по критериям сложности), квалификационных требований к следователям профильных подразделений (экономическое или финансовое образование, опыт работы по категории) и содержания отдельной программы служебной подготовки.

2. Планирование и нагрузка. Дифференцированный учёт трудоёмкости дел при распределении нагрузки — с применением коэффициентов по числу эпизодов, объёму экспертиз и следственных действий. Федеральный законодатель уже признал принцип дифференциации нагрузки в смежной области (правила о сокращённой форме дознания), поэтому распространение его на следственную нагрузку не выходит за рамки апробированного подхода. Именно этот элемент прямо устраняет организационную инверсию.

3. Информационно-аналитическое и методическое сопровождение. Разграничение контрольной и методической функций контрольно-методических подразделений, постоянная актуализация методик с учётом интенсивной правовой динамики категории, развитие цифровых инструментов учёта.

4. Взаимодействие. Типовая модель взаимодействия с подразделениями экономической безопасности (совместная оценка качества оперативных материалов, привязка итоговых решений к оперативному сопровождению) и формализация информационного обмена с контролирующими органами — налоговыми, финансового контроля, Росфинмониторингом.

5. Ведомственный контроль. Институционализация согласовательного механизма возбуждения с предельными сроками согласовательных процедур, исключающими затягивание доследственной стадии, унификация действующих региональных моделей.

Смысл предложения — институционализация: апробированная региональная модель получает статус типовой, а организации расследования возвращается свойство устойчивого правового стандарта. Применение организационных правил не должно освобождать следователя от обязанности

руководствоваться УПК РФ и не может служить основанием отложения процессуальных решений в ожидании организационных согласований — это принципиальное ограничение сферы ведомственного нормотворчества. Перспективой развития регулирования остаётся принятие федерального закона об органах предварительного следствия: пока следственная система существует на основании акта главы государства, организация расследования отдельных категорий дел не способна подняться до законодательного уровня закрепления. Данное предложение представляет собой не концептуальную новацию, а завершение процесса, начатого самим законодателем: прецедент законодательного оформления следственной системы создан Федеральным законом от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» [9].

Проведённый анализ приводит к трём выводам. Во-первых, специфика преступлений экономической направленности носит организационный, а не процессуальный характер: шесть выявленных факторов (документарность доказывания, дефицит экспертного сопровождения, многоэпизодность, латентность выявления, высокая цена процессуальных ошибок, интенсивная правовая динамика) нейтрализуются средствами организационного обеспечения, структура которого образуется пятью элементами — специализацией, планированием и распределением нагрузки, информационно-аналитическим и методическим сопровождением, взаимодействием, ведомственным контролем. Во-вторых, в системе оценки деятельности следственных подразделений существует организационная инверсия — несоответствие количественных показателей фактической трудоёмкости дел, эмпирически выражающееся в прекращениях производств за истечением сроков давности и минимальном возмещении ущерба.

В-третьих, работоспособные организационные решения существуют на региональном уровне, но в форме закрытых срочных актов, не обладающих свойствами правового стандарта, их институционализация в едином ведомственном акте с дифференцированным учётом трудоёмкости дел

представляется необходимым и достаточным шагом, устраняющим организационную инверсию без изменения уголовно-процессуального законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сычёв П.Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: монография. Москва: Юрлитинформ, 2020. 336 с.
2. Головко Л.В. Два направления уголовной политики по делам об экономических и финансовых преступлениях: crime control и doing business. URL: https://zakon.ru/Publication/igzakon/6257 (дата обращения: 16.11.2026)
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954
5. Жарёнов А.А. Особенности уголовного судопроизводства по делам об экономических преступлениях: специальность 5.1.4 «Уголовно-правовые науки»: диссертация на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Москва: Институт государства и права РАН, 2023
6. Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов проверок в порядке статей 144–145 УПК РФ о преступлениях экономической направленности: приказ Следственного департамента МВД России от 26.10.2011 № 55 (с изм., внесёнными приказом СД МВД России от 20.02.2024 № 14)
7. Об органах предварительного следствия в системе МВД России: приказ МВД России от 09.01.2018 № 1 (с изм. и доп.)
8. Указ Президента Российской Федерации от 23.11.1998 № 1422 «О Министерстве внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в ряд указов Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 48. Ст. 5846
9. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 16
10. Деришев Ю.В. О современной отечественной уголовно-процессуальной науке в общем и организации следственного аппарата в частности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 31. С. 74–91

11. Валов С.В., Ефремова Е.А., Сычёв П.Г., Шмонин А.В. Организация деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России по расследованию преступлений экономической направленности: учебно-практическое пособие. Москва: ДГСК МВД России, 2023. 216 с.

12. Об организации рассмотрения сообщений и расследования уголовных дел об отдельных видах преступлений экономической направленности: распоряжение СУ УМВД России по Смоленской области от 06.04.2026 № 1787 (акт ограниченного доступа)

Kovalev A.V.

master's degree student

Academy of Management of Ministry of Internal Affairs of Russia

(Moscow, Russia)

ORGANIZATIONAL INVERSION IN PERFORMANCE EVALUATION OF INVESTIGATIVE UNITS: AN APPROACH TO ADDRESSING IT USING ECONOMIC CRIME INVESTIGATIONS AS AN EXAMPLE

Abstract: *this article examines organizational support for investigating economic crimes in preliminary investigative bodies of Russia's Ministry of Internal Affairs. An analysis of departmental regulations and regional investigative practice substantiates the existence of «organizational inversion»—a mismatch between quantitative performance evaluation of investigative units and the actual labor intensity of cases in this category. The specific features of such cases are organizational rather than procedural in nature and can be addressed through five elements of organizational support: specialization, workload planning, information-analytical and methodological support, cooperation, and departmental oversight. The article proposes a model for a unified departmental regulatory act of Russia's Ministry of Internal Affairs that would institutionalize established organizational practices, with a view to adopting a federal law on preliminary investigative bodies in the longer term.*

Keywords: *preliminary investigation, economic crimes, investigation management, organizational support, organizational inversion, departmental oversight.*